

Н. А. Бабий

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАСИЛИЕ И ПРИНУЖДЕНИЕ ПО СТАТУТУ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1588 ГОДА

Статут Великого княжества Литовского 1588 г.¹ (далее – Статут) – один из наиболее разработанных кодифицированных нормативных актов XVI в. в Европе. Обращение к Статуту представляет большой интерес, поскольку, по свидетельству И. А. Юхо, этому источнику белорусского феодального права принадлежит почетное место среди таких всемирно известных памятников права, как Законы Ману, Законы Хамурапи, Законы XII таблиц, Кодекс Юстиниана, Русская Правда². Статут действовал на протяжении двух с половиной веков благодаря тому, как справедливо отмечают Т. И. Довнар и В. А. Шелкопляс, что в нем ярко проявилась его гуманистическая направленность, основанная на принципах, характерных для эпохи христианского ренессанса³.

Статут регламентировал весьма широкий круг отношений в различных областях жизнедеятельности общества того времени, уделяя при этом весьма значительное место предписаниям уголовно-правового характера. И несмотря на некоторую многословность и казуистичность в описании запрещаемых деяний, Статут содержал достаточно подробно разработанный понятийный аппарат, определявший насильственные преступления. При этом помимо установления ответственности за насилие над личностью Статут предусматривал ответственность за целый ряд так называемых многообъектных преступлений, в которых насилие выступало способом посягательства на другой, являвшийся основным, объект.

Прежде всего следует отметить преступления против государства и порядка управления, наказывавшиеся по артикулам Раздела Первого «О персоне нашей государевой». Артикул 3 этого раздела устанавливал, что тот, кто «заговор или бунт совершил на здоровье наше государево», «нарушая общий покой, бунтовал против нас, государя», желая «захватить и овладеть этим государством Великим княжеством и государем на нем стать, и войско, служилых людей собирал и вел», честь, горло и имени утрачивает. Виновный в нанесении побоев или оскорблении «посланца государева, либо и возного при собственных бумагах государевых» «полгода в верхнем замке нашем в Вильне должен сидеть», а убийцы тех же лиц подлежали наказанию смертной казнью (арт. 24).

Судебная власть ВКЛ от насильственного воздействия охранялась нормами Раздела Четвертого «О судьях и судах», арт. 7 которого устанавливал, что «если бы кто-либо, пришедши в суд замковый или земский, а там на суде или хотя бы на улице, будет ли в помещении и где-либо в то время, пока сессии земские или заседания замковые, согласно порядку этого статута, будут проводиться, судью, подсудка и писаря земских либо которого из врядников замковых» ранил, «тогда смертной казнью должен быть наказан», а «если бы убил, таковой жизнь и честь утрачивает...». Артикул 11 «О безопасности возного во время исполнения дел, вряду его принадлежащих, также и понятых, при нем находящихся», предусматривал ответственность в случае, «если бы кто возного при деле с листами воевод, старост, вряда замкового и земского или главного суда трибунальского, либо также вряда подкоморского и комиссарского, либо и без документов, находясь по делам, относящимся к его вряду, сам либо через слуг, подданных своих, побил или листы, от него отнявши, порвал, или возного либо понятого позвы, листы есть заставил либо дал пощечину, волосы или бороду рвал и тем выказал неуважение вряду...».

Однако насилие в процессе отправления правосудия признавалось преступлением не только в том случае, когда оно применялось к представителям власти, но и при применении его к иным участникам процесса. Так, арт. 62 «Кто бы на кого перед судом словом или рукою покушался, толкнул или ранил, или убил» устанавливал ответственность того, «кто, какого-либо достоинства и сословия будучи, а стоя перед судом, отклонившись от дела своего», «другого словом оскорбительным обозвал», «толкнул или рукой ударил, хотя бы и не ранил», «палаш, меч или саблю и какое-либо оружие обычное для раздора вынул, а хотя бы и не ранил», «ранил», «убил». За насилие в ходе судебных разбирательств подлежали ответственности и сами должностные лица. Согласно арт. 63 наказывались «воевода, староста или судья, подсудок и писарь, как замковый, так и земский вряд или подкомории, комиссар» в случае, если кто-либо из них, сидя в суде, «кого словами неучтивыми позорил», «сам насилие месту нашему государеву и суду учинил, а кого в суде ранил» или «убил».

С целью защиты «свободного и безопасного пути к справедливости» арт. 64 Раздела Четвертого устанавливал ответственность за то, что если бы кто-либо «на сессию земскую или замковую в тот повет, где суды будут, приехав в то время, пока сессия согласно определению этого статута продолжаться будет», «кого-либо на дороге едущее

го на сессию, или в городе том, где суды проводятся, на улице и где-либо встретив и перехватив, или на помещение и какую стоянку насильно напав, самого или слугу его и кого-либо из таких ранил или убил, либо только вред какой причинил, или угрожал здоровью, или поджог совершил».

Статут предусматривал ответственность и за такое двуобъектное преступление, как изнасилование (арт. 12 Раздела Одиннадцатого). Из содержания этого артикула можно сделать вывод, что под изнасилованием понималось совершение полового акта только с применением насилия, т. е. против воли потерпевшей. Что же касается совершения таких действий помимо воли (с использованием беспомощного состояния потерпевшей), то о них в артикуле ничего не сказано. Отметим, что Статут закреплял положение об отнесении изнасилования по современной терминологии к делам частного обвинения, предоставляя потерпевшей право самой решать вопрос о привлечении насильника к ответственности: «а потом бы на насильника подала в суд и двумя или тремя свидетелями засвидетельствовала знаки насилия и к тому же при тех свидетелях о том насилии над собой на причинившего насилие присягнула». Допускал Статут и освобождение от уголовной ответственности в связи «с примирением сторон»: «А если бы она пожелала выйти за него замуж, на то будет ее воля». Такой человеческий подход к решению данных вопросов сочетался с суровой ответственностью насильника, который «должен быть наказан смертной казнию, а навязка должна взыскиваться с имения по положению, каковое будет».

Следует обратить внимание на отсутствие в Статуте артикулов, которые устанавливали бы ответственность за насильственные действия сексуального характера (мужеложство, лесбиянство и т. п.). Если учитывать весьма подробную регламентацию в Статуте всех преступлений, то такое отсутствие свидетельствует о более высоком уровне нравственности в области сексуальных отношений в белорусском обществе того времени.

Честь и достоинство (добрая слава) личности охранялись и от насильственных способов посягательства на них как разновидностей оскорбления действием. В арт. 27 Раздела Одиннадцатого читаем: «А кто бы кого также умышленно для поругания шляхетского звания палкой, кистенем, булавою или кнутами, розгами и иным каким приспособлением побил или побить приказал, за такие побои и надругательство должно быть навязки выплачено сорок коп грошей... А кто бы пощечину кому-либо дал или бороду или волосы рвал...».

Как насильственные преступления против собственности выделялись грабеж и разбой. Причем Статут рассматривал данные преступления как самостоятельные виды преступлений. Об этом свидетельствуют частые упоминания их наряду друг с другом: «должен быть осужден и наказан как разбойник и грабитель» (арт. 27 Раздела Второго); «о насилиях, нападениях, разбое, убийствах, о насилиях женщин и девушек, о побоях, ранах, грабежах» (арт. 32 Раздела Третьего) и др., а также установление ответственности за грабеж и разбой в самостоятельных артикулах.

Между тем четкого определения грабежей и разбоев и их разграничения проведено не было. Как обвинение в разбое рассматривалось обвинение в «избиении на дороге». В соответствии с арт. 30 Раздела Одиннадцатого данное преступление определялось словами: «шляхтич шляхтича избил на дороге и ограбил». В арт. 31 того же Раздела избиение на дороге называлось разбоем на дороге, и хотя в этом артикуле прямого указания об ограблении при разбое не содержится, однако сопряженность разбоя с ограблением подразумевалась, о чем свидетельствуют слова: «и был бы тотчас с поличным на том разбое пойман», «если бы шляхтич на разбое не был пойман и поличного при нем не было». Аналогичным образом определяет разбой арт. 32: «избили шляхтича или кого-либо иного на дороге и были бы тотчас на том разбое с поличным пойманы».

О разбое на дороге упоминается и в арт. 59 Раздела Одиннадцатого: «причинены убытки в результате поджога, воровства, разбоя на дороге или иным каким образом».

Однако насильственное завладение имуществом на дороге в других артикулах не рассматривалось как разбой, а признавалось грабежом. Такое заключение можно сделать исходя из анализа содержания арт. 4 Раздела Тринадцатого. Этим артикулом устанавливалось, «если бы шляхтич ограбил чьих людей на торге, у церкви и на проезжей дороге, таковой должен обиженной стороне вины заплатить шесть рублей грошей, а награбленное отдать с навязкой, то есть лошадь лошадей, вола волом навязать». О насильственном характере такого грабежа свидетельствует следующее положение данного артикула: «а если бы шляхтич ограбил чьих людей на поле или где в другом месте, а побоев не причинил, тогда должен заплатить три рубля грошей, а за награбленное выплатить навязку».

В арт. 46 Раздела Одиннадцатого указывается на «разбойный наезд на дом». Между тем наезд на дом признавался самостоятельным

преступлением наряду с нападением на дом, например в Разделе Втором арт. 18 «О нападениях на дома и на гумна шляхетские». В иных же артикулах нападение (наезд) на «чье-нибудь имение, на село, на людей», сопряженное с завладением имуществом и насилием, рассматривалось как грабеж, а не как разбой. Так, в арт. 43 Раздела Одиннадцатого устанавливалась ответственность за насильственное нападение, при котором были бы причинены «раны, грабеж, вред». Если же в ходе нападения «не ранил и не избил, а только напал и ограбил, то таким же образом должен за насилие заплатить и награбленное возвратить с навязкою».

Грабеж в Статуте подразделялся на два вида: насильственный и ненасильственный. И хотя прямое упоминание этих терминов в Статуте отсутствует, к такому выводу приводит анализ отдельных артикулов. Характерными в этом отношении являются положения арт. 3 «Кто бы учинил грабеж шляхтичу или шляхтянке», содержащегося в Разделе Тринадцатом. Об установлении ответственности за ненасильственный грабеж свидетельствуют следующие слова артикула: «кто бы шляхтичу или шляхтянке учинил грабеж ... если бы даже и никаких побоев не причинил, а в конце если бы та персона сама при грабеже и не присутствовала, но было бы это доказано надлежащими доказательствами, тогда тот, который грабил, должен выплатить навязку самому таковому шляхтичу или шляхтянке, как за побои». О насильственном грабеже речь идет уже в следующем предложении этого артикула: «А если кто из слуг при таком грабеже будет ранен или избит, то также и слугам выплатить навязку в соответствии с их положением». Одновременная ответственность за насильственный и ненасильственный грабеж установлена следующим положением артикула: «А если бы у чьего слуги, едущего самостоятельно без пана по поручению своего пана, на дороге и где-нибудь была отобрана лошадь его пана, были бы причинены побои или не были, однако же тот, кто такой грабеж шляхтичу учинил, обязан будет по законным обязательствам выплатить навязку как за лошадь лошадыю, так и слуге в соответствии с его положением, а прочие убытки, если бы были причинены при том грабеже, возместить и заплатить».

Характер и виды насилия при грабеже и разбое четко не конкретизировались, и термин «психическое насилие» (угроза насилием) не применялся.

Как грабеж рассматривались случаи взыскания мещанами долгов с крестьян на рынке. Об этом свидетельствует название арт. 37 Разде-

ла Третьего «О мещанах, что не должны на рынке крестьян грабить». Данный артикул предписывал, что мещане «за долги свои какие-либо и ни за какие иные дела не должны крестьян наших, а ни также духовных и светских, и ничьих на рынке грабить и с них требовать и не тем себе с ними осуществлять справедливость». Содержание артикула свидетельствует о том, что в данном случае имело место преступление против порядка управления, которое можно определить как самоуправное принудительное взыскание долгов.

Психическое насилие было уголовно наказуемым и определялось в Статуте как угроза причинением какого-либо вреда. «Угрожатель» должен был быть поставлен перед судом, если он «кому-либо иному угрожал лично, или письменно, либо заочно» (арт. 26 Раздела Первого), а в арт. 40 Раздела Одиннадцатого устанавливалась ответственность того, кто «угрожал, что желает ему огнем вред причинить», либо «произнес угрозу о лишении жизни». Однако в составах многообъектных преступлений угроза причинением вреда практически не указывалась в качестве способа насилия. Лишь в арт. 64 Раздела Четвертого устанавливалась ответственность за психическое насилие при совершении преступления против правосудия. Одной из форм проявления насилия в этом преступлении наряду с насильственным нападением, ранением, убийством, причинением какого-либо вреда или совершением поджога выступала угроза причинением вреда здоровью.

Термин «принуждение» в Статуте имел значение, сохранившееся за ним до настоящего времени, и буквально означал насильственное воздействие на волеизъявление другого человека. Так, в арт. 40 Раздела Третьего данный термин разъяснен через противопоставление словами «только по доброй воле своей, что будет воля его».

Более характерным было использование термина «принуждение» для описания мер, обеспечивающих исполнение наказания: «и теми штрафами к отбытию заключения должен быть принужден» (арт. 32 Раздела Четвертого), «тогда против такого принудительное взыскание должно быть произведено» (арт. 93 Раздела Четвертого), «а был бы таким сильным, что вряд в заключение идти принудить его не смог» (арт. 40 Раздела Одиннадцатого).

Наряду с термином «принуждение» использовался и термин «понуждение»: «хотя бы тот противник его и более всего слова какие звательные, предосудительные для доброго имени и чести его, произнося и задирая, понуждал его на поединок» (арт. 14 Раздела Одиннадцатого); «не должны понуждать к тому свидетельству» (арт. 63 Раздела Одиннадцатого).

Вынужденность совершения определенных действий при обороне признавалась обстоятельством, исключающим ответственность: «имеет ближайшее право присягнуть о том, что сделал он это вынужденно, находясь в обороне» (арт. 24 Раздела Одиннадцатого); «заявил, что по причине и за началом того убитого, будучи в обороне, к этому вынужден был и это сделал» (арт. 1 Раздела Двенадцатого).

Одновременно отсутствие вынужденности действий рассматривалось как одно из условий ответственности за причинение вреда. Так, арт. 15 Раздела Одиннадцатого предусматривал наказание, если виновный совершил наезд, «не будучи принужден никаким случаем, то есть разорваньем узды, понесшей упрямой лошадей и иной какой случайной причиной».

Синонимом термина «принуждать» можно считать термин «заставлять», поскольку он имел в статутах то же значение: «подданных шляхетских заставлял к таким работам не обязанных и этим статутом освобожденных» (арт. 29 Раздела Третьего); «возного либо понятого позвы, листы есть заставил» (арт. 11 Раздела Четвертого); «посланного нашего, либо также возного, или также понятых людей при них бывших, листы, мандаты, позвы есть заставил и тем нас, государя, величия нашего не учтил» (арт. 24 Раздела Первого).

Следует отметить, что виды насильственного воздействия на волю человека в Статуте практически не раскрываются, поскольку в качестве признака состава преступления термин «принуждение» не использовался. Термин «насилие» в Статуте имел различное значение. Прежде всего насилие означало нарушение свободы волеизъявления лица. Так, запрещая насильственную выдачу замуж («не должны выдавать без их воли»), арт. 39 Раздела Третьего устанавливал, что лиц «женского пола, как людей свободных», «при свободах их должны сохранять, а насильно ни за кого не должны выдавать без их воли, но каждой из них по совету приятелей их, за кого хотят, за того в замужество свободно будут выходить и выдаваться». В этом значении данный термин был схож с термином «принуждение» и выражал в большей мере содержательную сторону насилия, конкретные же способы его проявления для подавления чужой воли не описывались.

Однако наиболее часто термин «насилие» использовался для обозначения конкретных видов физического насилия. Вместе с тем этот термин в Статуте не имел четко определенного значения и в различных артикулах в него вкладывался различный смысл. При этом он мог использоваться:

- для обозначения какого-либо одного действия, например нападения или наезда;

- в качестве понятия, обобщающего различные проявления насилия: «насилия домашние и иные всякие кровавые дела, разбой, ранения, головщины и иные насилия» (арт. 9 Раздела Четвертого);

- наряду с конкретными видами насилия: «насилие, бой, раны, вред, разбой, убийство и какой-либо проступок» (арт. 29 Раздела Четвертого); «насилие, убийство или побои» (арт. 48 Раздела Одиннадцатого); «буйство, насилие, побои, раны, убийство» (арт. 4 Раздела Четырнадцатого); «обида в насилии, нападении, избиении, ранах, убийстве, грабежах и в иных каких делах» (арт. 49 Раздела Четвертого).

Отдельным видом насильственных преступлений выделялось нападение, которое могло быть сопряжено как с физическим насилием, так и с преступлениями против собственности. Так, в арт. 18 Раздела Второго установлено, кто бы «на дом или на гумно напал, либо пруды и запруды выловил, или какой-либо вред причинил, и при таком нападении насильственном если бы кого в доме таком убил или ранил, избил, или учинил насилие над женщиной, тогда тот должен быть, при достаточных доказательствах, наказан смертью». Если же нападавший «не убил, и не ранил и побоев никаких не учинил, только что взял, либо вред какой учинил», то он был обязан «за насилие и вред, при достаточных доказательствах, вдвойне платить».

Согласно арт. 21 Раздела Второго устанавливалась ответственность за насильственный наезд на лагерь или стан, если эти действия были сопряжены с убийством или ранением. Таковым же признавалось нападение и в том случае, если «не ранил, но умышленно либо самоуправно напавши ударил, а хотя и не ударил, но словами неучтивыми позорил, или вред какой учинил».

Аналогичным образом определяется нападение и в Разделе Одиннадцатом, арт. 1 которого предусматривал смертную казнь для того, кто «на чей-либо дом шляхетский, не только на самый двор, но и на гумно, на скотный двор, где скот и иное хозяйство домашнее хранится, насильственно умышленно совершив наезд или напав и в том доме кого-нибудь убил и тем общий покой нарушил». Такое же наказание устанавливалось за причинение в ходе нападения ранений. Однако «если бы насильно наехал или напал, но никого не ранил и не убил, а знаки того насилия оставил или вред какой причинил, тогда только за насилие обязан будет платить двенадцать рублей грошей и убытки с навязкою удовлетворить по надлежащим доказательствам, а смертью

за одно только насилие не казнить». Как «узаконено о нападениях на шляхетские дома», наказывались и те, кто, «напав на церковь Божию какого-либо христианского вероисповедания или также на погост, в школе или в священническом, иерейском, проповедническом доме кого убил или ранил, а те бы раны значительными и опасными были...».

В арт. 43 этого же раздела установлена ответственность того, кто «насильственно самолично напал на чье-нибудь имение, на село, на людей или насрал кого и были бы причинены при этом раны, грабеж, вред...». И далее: «А если бы не ранил и не избил, а только напал и ограбил, то таким же образом должен за насилие заплатить и награбленное возвратить с навязкою».

Характер вреда, причинение которого при наезде и нападении давало основание считать их насильственными, подробнее раскрывается в арт. 20 «Кто бы совершил насильственно наезд или нападение на чужое имение или село, а другой, защищая землю свою, убил его». Очищение «присягою своею» допускалось за причинение смерти или ранения тому, кто на шляхтича, на его имение, на село, на людей и на земли «умышленно и насильственно напал или совершил наезд и насилие или значительный какой вред причинил, как захватом людей, скота, пожитков, так и сжатием на корню или отобранием хлеба, сена, вырубкой леса, гая или порчею границ, меж, концов, опустошением озер».

Таким образом, нападение и наезд признавались насилием в случаях, если такие действия были сопряжены: с причинением телесных повреждений или смерти (убийство, ранение, избивание, побои); изнасилованием (насилие над женщиной); причинением имущественного или иного вреда (что взял, ограбил, знаки того насилия оставил, вред какой учинил).

В качестве самостоятельного вида насилия или «своевольства» выделялось незаконное содержание в заключении. Артикул 28 Раздела Одиннадцатого устанавливал ответственность того, «кто кого осилив или тайно самолично или через слуг, подданных своих, посадил кого другого у себя в заключении, человека невинного и по законам не избличенного, будь то в доме, на постоялом дворе и на дороге или в каком ином месте, напав на него и переводя его с места на место, или в одном месте содержа тайно, или же и явно содержа в заключении, побоями, голодом или чем-либо иным издевательство и жестокость какие над ним по своему произволу учинял...».

Как похищение человека рассматривалось насильственное взятие в жены девушки, вдовы и любой женщины (арт. 13 Раздела Одиннад-

цатого). «Тот похититель должен быть наказан смертью», кто «насилъно взял кого из тех вышепоименованных особ». При этом насилъственными такие действия признавались, если они были совершены «без согласия отца, матери и дядей или иных близких, также и опекунов» и без согласия самой женщины.

Последствиями физического насилия по Статуту выступали смерть и вред здоровью (физический вред).

Причинение смерти как одно из тяжчайших преступлений обозначалось различными словами: убил; совершил убийство иного человека; насмерть убил; каким-нибудь образом лишил жизни; насмерть заморил; убито двое или трое или несколько особ шляхетских.

Более разнообразной была терминология для описания вреда здоровью. Понятие «телесные повреждения» было известно Статуту, однако для обозначения физического вреда данного вида использовались различные иные термины, наиболее употреблявшимися из которых были: побои, раны, увечья.

Побои в современном их понимании выражались в таких действиях, как бой; побои; избил; избиение совершил; только ударил, а раны не было; битье палкой, кнутами, розгами и иными приспособлениями... Между тем понятие «побои» использовалось как обобщающее и включало в себя причинение телесных повреждений любой степени тяжести. Однако Статут различает побои по их опасности для здоровья и выделяет «значительные побои» и «меньшие побои».

Опасные для жизни или здоровья телесные повреждения в Статуте именовались ранами и обозначались либо через описание действия (ранил; поранил; не убил, но ранил), либо через описание последствия (раны; ранения). Среди ранений выделялись значительные и опасные, однако четкие границы между этими видами повреждений не проводились. Значительными признавались раны, «причиняющие вред здоровью, битые или кровавые». Отдельно в качестве самостоятельного вида телесных повреждений выделялись «опасные раны». Иногда эти виды повреждений указывались одновременно: «значительные и опасные раны», в других же местах они означали повреждения, опасные для жизни: «значительные раны на убитом», «так опасно был ранен, что мог бы не остаться живым», «кого ранил и тот бы от раны умер».

Увечья по Статуту соотносительно с ныне действующим законодательством могут быть определены как тяжкие телесные повреждения, а именно как повреждения, повлекшие утрату органа или утрату органом его функций, либо как неизгладимое обезображение лица.

Для обозначения такого рода вреда в Статуте использовались как обобщенные понятия (был изувечен какой-нибудь член; отсечение или увечье члена), так и достаточно подробное описание конкретных повреждений: «ослепил, или сделал хромым, или какое иное увечье причинил»; «руку, ногу, нос, ухо, губу отрубил или отрезал настолько, что который бы из этих членов отпал, или бы око, зубы выколол или выбил, или глаз ослепил»; «в голову ранил и из-за той раны потерпевший речь потерял, хотя бы и рану залечил и жив остался, но уже после ранения говорить не смог бы»; «обе руки, ноги и оба уха отрубил или оба глаза выколол или вышиб»; «руку, ногу отсек или, повредив какой-нибудь член, изувечил». К менее тяжким увечьям может быть отнесено отсечение пальца или «несколько их» на руке или ноге.

Следует отметить и выделение в Статуте длительного расстройства здоровья, описанного следующим образом: «который из тех поименованных членов не был отрублен так, чтобы напрочь отпал, но из-за того ранения был бы так чрезвычайно изувечен, что им в течение года потерпевший владеть не смог бы».

Отдельно описаны повреждения головы: «рана наружная на лице»; «рана кровавая на голове, из которой были бы выпираемы кости»; «раны головы с раздроблением костей и на лице сделанные».

Особо Статут охранял жизнь и здоровье беременных женщин, усугубляя ответственность за «ушиб и телесное повреждение беременной женщины», за причинение вреда, в результате которого беременная женщина «скинула бы мертвый плод, а сама жива осталась» либо «оба, то есть плод и мать, по его причине умерли».

Проведенный анализ ответственности за насилие и принуждение по Статуту Великого княжества Литовского 1588 г. свидетельствует о справедливости общей характеристики уголовного закона феодальной Беларуси, данной Т. И. Довнар, которая подчеркивает, что Статут отличался сравнительно высокой для своего времени развитостью, широтой охвата регулируемых правоотношений, стремлением включения всего того нового, что было выработано человечеством⁴.

¹ Цит. по: Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. сав. энцыкл.; Рэдкал.: І. П. Шамякин (гал. рэд.) і інш. Мн., 1989.

² Юхо І. А. Крыніцы беларуска-літоўскага права. Мн., 1991. С. 7.

³ Довнар Т. И., Шелкопляс В. А. Уголовное право феодальной Беларуси (XV–XVI вв.): Учеб. пособие. Мн., 1995. С. 4.

⁴ Доўнар Т. І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–VI стагоддзях. Мн., 2000. С. 132.